

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора филологических наук, профессора Радченко Олега Анатольевича о диссертации ФЕЩЕНКО Владимира Валентиновича на тему «Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Масштабное исследование В.В. Фещенко уже в заглавии содержит оригинальную трактовку эволюции лингвистического знания – в отличие от принятого в языкознании и философии упоминания о «лингвистическом повороте» в гуманитарных науках прошлого века, соискатель утверждает об ином характере этого поворота, восстанавливающим в значительной степени разрушенные мосты между литературоведением и лингвистикой под эгидой философии языка.

Язык как эстетический феномен, медиатор между талантливой личностью и её креативным процессом, рефлексия о языке в контексте посвящённой ему науки и рефлексия о художественном дискурсе, отраженная в дискурсе лингвистической науки – фундаментальные вопросы, ответ на которые неизменно способствовал в прошлом обоснованию и продвижению новых концепций в философии языка и философии как таковой. В случае с диссертационным исследованием В.В. Фещенко эти вопросы служат обоснованием **актуальности** предпринятого им научного проекта. В стремлении обосновать тезис о лингвоэстетическом повороте в научных исканиях прошлого и текущего столетий (с. 8 дисс.) представленное сочинение оказывается в одном концептуальном ряду с идеями К. Фосслера, Б. Кроче, Г.Г. Шпета, Р.О. Якобсона, М. Хайдеггера, что подчёркивает его **теоретическую значимость** для дальнейшего развития дискурс-анализа, историографии лингвистики, лингвокультурологии, культурологически окрашенной семиологии, лингвистической поэтики, по сути всех основных направлений современной философии языка и культуры.

Как результат, диссертации В.В. Фещенко присущ междисциплинарный характер, что представляется и логичным, и необходимым в свете наметившегося кризиса дискурсивных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике. Исключительно важным представляется в этой связи привлечение интеллектуального наследия отечественного языкознания, трудов классиков российской философии языка. Но не менее существенной составляющей представленной

диссертации является использование обширного эмпирического корпуса, включающего как собственно лингвоэстетические работы (200 публикаций), являющиеся яркими примерами метапоэтического дискурса, так и их объекты – поэтические и прозаические творения XX в. (200 текстов), что придаёт авторскому эмпирическому корпусу нужную сбалансированность и позволяет обосновать гипотезу о корреляции между двумя его частями, а в целом – весьма существенную **практическую ценность** всей диссертации.

Поставив перед собой в качестве **цели** интеграцию различных подходов к языку как инструменту и хранителю эстетической категоризации мира в рамках гуманитарных наук, соискатель выдвигает ряд **задач**, наиболее весомыми из которых представляются реконструкция истории и анализ современного состояния эстетической мысли в лингвистике, построение собственной концепции художественного дискурса с опорой на рефлексивность, автокоммуникативность и автореференцию, а также установление взаимозависимости между литературными и металитературными экспериментами в культурах России и зарубежных стран (на примере англо-американской беллетристики). Тем самым диссертант предполагает обнаружить возможные новые пути развития лингвистики в области исследования дискурсов, что ещё раз подчёркивает теоретическую **новизну** его работы.

Следуя одному из неперенных требований лингвоисториографии, В.В. Фещенко изучает весьма обширный теоретический пласт, представленный 787 публикациями XIX-XXI вв., большей частью на русском языке, что придаёт его собственному тексту энциклопедический характер. В то же время, думается, что в целях обозримости материала было бы целесообразнее обозначить источники языковых экспериментов в библиографии и отделить их от экспериментов над ними в научном дискурсе.

Из положений, выносимых соискателем на защиту, хотелось бы выделить третье (фиксирующее основные фазы в лингвоэстетическом повороте), шестое (определяющее роль автокоммуникативности в художественном дискурсе) и девятое (представляющее отличия между англо-американской и русской версиями экспериментальной реализации художественной дискурсии) (с. 11-12 дисс.). В то же время, на фоне этих и иных тщательно обоснованных положений пятое кажется довольно предсказуемым и представляет собой перенос классической схемы Р.О. Якобсона в сферу художественной дискурсии.

Для достижения своей исследовательской цели автор в первой главе работы обращается к таким теоретико-методологическим вопросам, как специфика восприятия эстетических функций языка в Античности,

Средневековье и Новом времени, преломление этой специфики в трудах В. фон Гумбольдта и его последователей, а также российских, европейских и американских лингвистов (как собственно лингвистический элемент в сопоставлении двух обозначенных диссертантом ранее стихий – науки и литературы), далее – в экспериментальной поэзии, знаковой теории, поэтике, эстетике и концептуальном творчестве. Построение главы первой вполне логично, а ее четыре параграфа взаимосвязаны и служат созданию общего фона для дальнейших размышлений на тему работы.

Рассуждая в первом параграфе главы о языке и художественном творчестве как операторах в лингвистической теории, диссертант представляет любопытную парадигму различных толкований этой пары операторов (с. 21 дисс.) в контексте лингвоисториографии, начиная с античных и средневековых идей (п. 1.1.1.) и далее до наших дней. Он справедливо отмечает заслуги романтической философии языка в изменении отношения к эстетическим возможностям последнего (с. 25 дисс.). Правда, в подтверждение этих заслуг приводится цитата Ф. Шлегеля по Н. Хомскому, которого трудно заподозрить в глубоком знании немецкой философской литературы; цитата из первоисточника была бы здесь более уместна. Но вторичное цитирование встречается в диссертации и далее (см. с. 96 дисс.).

Отметим также тонкие замечания в работе о родстве взглядов В. Беньямина с романтической трактовкой языка искусства (с. 28 дисс.). Важное место занимают в этой главе и размышления о влиянии идей В. фон Гумбольдта на русскую поэзию и эстетику начала XX в. (с. 29 дисс.), проекции идеи «язык искусства» в американскую и европейскую семиотику культуры (с. 32 дисс. и далее).

Принимая в целом позицию диссертанта и его оценку значимости конкретных идей немецкой философии языка для разрабатываемой им собственной концепции, хотелось бы обратить внимание на некоторые нюансы интерпретации творчества В. фон Гумбольдта в диссертации. В частности, соискатель упоминает «диалектическое противопоставление» *ergon* и *energeia* в классической формуле Гумбольдта (с. 36 дисс.), следуя, очевидно, точке зрения, принятой в советской историографии лингвистики. Однако, как представляется, это противоположение не имело подобного характера, а напротив, однозначно характеризовало деятельностную природу языка как главное его предназначение, что подтверждают, в частности, соответствующие текстологические исследования неогумбольдтианцев, прежде всего, Й.Л. Вайсгербера. В своей трактовке энергеи как генетического определения языка (с. 36 дисс.) соискатель, по всей видимости, безоговорочно принимает интерпретацию Х. Штайнталя

(отметим, весьма спорную), а, наделяя концепцию Гумбольдта мифологическими чертами, воспроизводит точку зрения марксистских языковедов прошлого века. Можно было бы в этой связи пожелать соискателю большего исследовательского скептицизма и по отношению к различным интерпретациям идей и отдельных терминов В. фон Гумбольдта в отечественном языкознании, в частности, версии происхождения термина *innere Sprachform*, предложенной Г.Г. Шпетом (с. 72 дисс.).

Представляется, что и в целом взгляды Гумбольдта заслуживали бы опоры на оригинальную терминологию и труды классика, в то время как соискатель в основном ссылается на его переводы на русский язык, зачастую представляющие собой уже определённую интерпретацию той или иной идеи. Это же замечание касается и некоторых других классиков немецкого языкознания, излишне идеологизированное критичное отношение к которым в отечественной традиции существенно сказалось на переводах и последующей интерпретации их трудов (в частности, К. Фосслера).

В то же время, весьма содержателен анализ работ русских гумбольдтианцев (с. 38 дисс. и далее), в особенности А.Г. Горнфельда, А. Белого и В. Хлебникова, который демонстрирует значительные расхождения в понимании вышеупомянутого гумбольдтова противопоставления в российской дореволюционной интеллектуальной среде. Обращают на себя внимание также специальный параграф, посвященный креаторике (с. 49 дисс. и далее), находки диссертанта по истории релевантной терминологии (например, лингвистическая эстетика – с. 51 дисс., поэтический язык – с. 281 дисс. и др.), подробный раздел, связанный с эстетической теорией слова в русской философии (с. 56 дисс. и далее). Диссертанту удалось осуществить большую исследовательскую работу по классификации и анализу многочисленных идей, концепций и теорий в области эстетики и семиотики, существенные результаты которой изложены в п. 1.4.

Вторая глава диссертации обращается к художественной литературе как объекту лингвистического и лингвофилософского исследования и подчёркивает эволюционный характер языковедной мысли, предлагая историографический и метакритический анализ становления эстетического направления в науке о языке. Диссертант исследует основные лингвоэстетические концепции в европейском и американском языкознании, охватывая период с последней трети XIX в. до конца XX в. Три объёмных параграфа этой главы содержат авторское видение взглядов Ф. де Соссюра, Э. Зиверса, Э. Бенвениста, Х.-Г. Гадамера и других ярких представителей зарубежной лингвофилософской мысли.

Важным элементом второй главы стало обращение автора к «революционному языку» и советскому новоязу в целом (п. 2.1.4), превосходно проиллюстрированное событиями 1930-х гг. (с. 101-103 дисс.). Эти рассуждения и примеры удачно дополняются очерком становления стилистики в советском языкознании и в зарубежном структурализме в п. 2.2., а также лингвистической поэтики в п. 2.3. Теоретические и лингвоисториографические детали сопровождаются яркими примерами русской футуристической поэзии (как, например, на с. 119 дисс.). Текст диссертации позволяет определить и личные научные пристрастия диссертанта: так, концепции французских структуралистов излагаются и комментируются им гораздо подробнее и обстоятельнее, чем, к примеру, немецкие (см. п. 2.3.2, посвященный идеям Э. Бенвениста). Однако следует отметить научную тщательность и корректность, характеризующие стиль изложения как во второй, так и в других главах. Знакомство с этой главой не вызывает в этой связи критических замечаний.

В третьей главе соискатель выводит на концептуальную арену художественный дискурс, предлагая его лингвоэстетическую, типологическую, литературоведческую, лингвофилософскую, лингвосемиотическую, лингвопрагматическую и лингвокоммуникативную характеристики. Необходимо отдать должное научному мастерству соискателя, сумевшего избежать тривиальности в трактовке дискурса как такового и художественного дискурса (с. 159 дисс. и далее), особенно имея в виду, что третья глава является ключевым элементом в теоретической конструкции диссертации.

Упоминание различных пониманий «дискурса» в этой главе было, конечно же, неизбежным, но диссертант сконцентрировал своё внимание на работах последних лет и предложил на с. 169 дисс. свою дефиницию дискурса, с которой трудно не согласиться, в особенности принимая во внимание авторский акцент на концептуальных мирах, определяющих специфику социальной интеракции, который придаёт этой дефиниции ярко выраженный лингвофилософский характер. Правда, этот акцент исчезает в предлагаемой далее авторской дефиниции «художественного дискурса» (с. 173 дисс.), что вызывает необходимость некоторых пояснений от соискателя.

Третья глава наполнена оригинальными замечаниями, тонкими наблюдениями диссертанта, содержит результаты его аналитической переработки весьма объёмного научного наследия, к примеру, типологию литературных дискурсов (с. 177 дисс.), триаду поэзиса (с. 186 дисс.), новую версию органона языка (с. 191 дисс.), семиотический треугольник художественного сообщения (с. 200 дисс.) и пр. Эта глава отличается от

предыдущих особенным вдохновением, с которым диссертант размышляет, сопоставляет, комбинирует и творит свою версию языка как эстетического феномена и методики его исследования. Раздел 3.4 видится им как теоретико-методологический переход к рассмотрению экспериментальных разновидностей художественного дискурса, в рамках которого предпринимаются уточнение основных понятий, характеристика языкового эксперимента и метанаучных высказываний в его канве, выдвижение психологически детерминированной прагматики художественного дискурса на первый план (см. мысли об интровертивной прагматике А. Белого и Х.-Л. Борхеса на с. 231-232 дисс.).

Четвёртая, заключительная, глава выступает в этом контексте как апробация изложенной в главе третьей и частично уже проиллюстрированной там авторской концепции. Она предлагает целостную картину отражения художественных экспериментов в методологическом арсенале лингвистики XX столетия, для чего диссертант обращается к формальным и содержательным экспериментам в русской и американской авангардной поэзии и дополняет свои выводы визуализацией конкретной поэзии и концептуализма в философии языка.

Впрочем, главу открывает достаточно экзотический параграф, посвященный глоссолалии и глоссопоэзису. Диссертант рассматривает глоссолалию, по всей видимости, как предтечу поэтического авангарда, проявление художественной языковой игры и явление, тесно связанное с художественным дискурсом (с. 245 дисс.). Однако приведённые в этой части главы примеры (в частности, истории с медиумическими текстами), несмотря на их оригинальность и необычность, носят скорее гипотетический характер, основаны на умозаключениях, полученных в результате анализа готового материала, но не самого процесса глоссолалии, что ставит под сомнение тезис о её непременно игровом характере и родстве с поэтической глоссолалией, представленной в произведениях русских символистов.

Это не умаляет, конечно же, научной валидности размышлений диссертанта о самой поэтической глоссолалии в чрезвычайно содержательном параграфе 4.1.2, а также о звукописи русской футуристической поэзии (с. 258 дисс. и далее). Диссертант вполне убедителен в своём анализе эстетической функции формы в русском формализме начала XX в., особенностей эстетического эксперимента в русской (с. 285 дисс. и далее) и американской поэзии (с. 291 дисс. и далее) и прозе (с. 309 и далее), специфики концептуализма в философии и литературе (в подробном параграфе 4.3, который может служить образцом научной полимодальности). К эстетическим экспериментам он относит и некоторые

плановые языки, к примеру, бейсик-инглиш, что вполне соответствует его теоретическим позициям. Отметим в качестве пожелания, что в разделе 4.2.5 в контексте автоперевода можно было бы ожидать примеры не только поэтических текстов, но и прозы, к примеру, «Лолиты» В. Набокова, которые позволили бы более объективно оценить его автопереводы с позиции языковой эстетики.

Представленные соискателем выводы получили достаточную апробацию в докладах на научных конференциях, а также в двух монографиях и 64 публикациях, в том числе 20 – в научных журналах, включённых в базы данных Scopus и Web of Science, и 10 – в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Автореферат диссертации и публикации в полной мере отражают основное содержание диссертации.

В целом следует отметить, что рассматриваемая диссертация «Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте» тематически и содержательно соответствует паспорту научной специальности 10.02.19 – Теория языка, является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований предлагается решение проблемы, имеющей большое значение для развития лингвистического знания, и соответствует критериям, установленным требованиями пп. 9 – 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01.10.2018 г.), а её автор, Фещенко Владимир Валентинович, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков имени Мориса Тореза
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный
лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ),
доктор филологических наук (10.02.19 – теория языка,
10.02.04 – германские языки),
профессор

Олег Анатольевич Радченко

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
ФГБОУ ВО МГЛУ

Начк чк *Анна Смирнова*

